

Февраль в тени Октября (историографические итоги и исследовательские задачи)

Валентин Шелохаев, Кирилл Соловьёв

February in the shadow of October (historiography and tasks for the further research)

Valentin Shelokhaev, Kirill Soloviev

(both – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

В прошлом году исполнилось 100 лет Февральской революции 1917 г. На протяжении этого периода она оставалась в тени Октябрьского переворота, о чём, в частности, свидетельствует несопоставимый количественный разрыв в пользу последнего, имея в виду список исследовательских работ и документальных публикаций. Ситуация стала меняться лишь в последние два десятилетия, когда наметилась тенденция к активизации научного и общественного интереса к истории Февраля¹ и вышло в свет немало посвящённых этому событию фундаментальных монографических исследований, сборников статей и документальных публикаций. Тогда же были проведены десятки международных и всероссийских научных конференций, которые, безусловно, внесли существенный вклад в разработку широкого круга научных проблем.

Происходящая смена исследовательских подходов позволила значительно расширить круг изучаемых сюжетов, активнее использовать ранее не известные отечественные и зарубежные источники. Вместе с тем появилась и масса псевдонаучных трудов, где муссируются обветшалые идеи о «тайных заговорщиках» и «масонах», якобы спровоцировавших февральские события 1917 г. и обеспечивших кратковременную победу либеральной оппозиции. В свою очередь российские либералы традиционно обвиняются в неспособности блокировать нарастание анархических тенденций и экстремизма в стране, существенно облегчившее взятие большевиками власти в октябре.

Юбилей событий тех лет побуждает историков подвести историографические итоги изучения Февральской революции за последние 20 лет и наметить исследовательские задачи на будущее. Цель данной статьи – представить работы концептуального характера, претендующие на приращение исторического знания, так как в данном случае объять всё, изданное в рассматриваемый период, практически невозможно.

Исследователей новой генерации продолжают привлекать происходившие в Российской империи глубинные социальные и политические процессы, обусловившие крах монархии. Прежде всего поставлена проблема комплексного подхода при изучении состояния всех сфер российской экономики, динамики

© 2018 г. В.В. Шелохаев, К.А. Соловьёв

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00237.

¹ *Пушкарёва И.М.* Февральская революция 1917 г. в России: проблемы историографии 90-х гг. XX века // *Россия в XX веке: Реформа и революция.* В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 241–267.

социальной структуры российского общества, материального, социокультурного и правового положения его страт². Детально рассмотрены подвижки в политической системе страны, разные стороны деятельности исполнительной и законодательной ветвей власти, политических партий и общественных организаций³. Пристальное внимание уделено состоянию «верхов» (императору, его окружению, механизму принятия управленческих и военно-стратегических решений на уровне верховной власти и Кабинета министров, подбору и расстановке кадров высшего и среднего государственного звена)⁴ и «низов» (маргинализации, материальному положению, обострению конфликтов на производстве и в быту). Также значительно активизировалось изучение национальных и конфессиональных проблем⁵. Наконец, исследователи достигли существенных результатов в процессе анализа внешнеполитических и военных вопросов.

Тем не менее, несмотря на определённый позитив, всё же по некоторым проблемам дискуссии продолжают с не меньшей интенсивностью, чем прежде. Историки вновь спорят об уровне экономического и социального развития в пореформенной России, о степени эволюции её политического строя после Первой российской революции 1905–1907 гг., а также по поводу стратификации российского общества, положения его отдельных страт, классификации политических партий, оценки предложенных ими моделей общественного переустройства страны и т.д. Оживлённые дискуссии идут по проблемам состояния и поведения политических элит, включая государя и его окружение. Не прекращаются поиски «врага/ов» верховной власти («либеральные заговорщики» и «масоны», действующие вкупе с представителями союзных посольств, «предатели» среди высшего генералитета, нарушившие присягу). При этом в ряде работ просматривается тенденция – изображать последнего императора «невинным агнцем», окружённым бездарными министрами и генералами. Однако очевидно, что стремление под разными предлогами вывести верховную власть из поля исторической ответственности за судьбу Российского государства в 1917 г. представляется делом заведомо бесперспективным.

Суть научной полемики сводится к поиску ответа на вопрос кардинальной важности: могла ли Россия избежать революции 1917 г.? Одни исследователи убеждены в том, что общий социально-экономический и политический тренд её развития давал вполне реальный шанс для эволюционной трансформации страны. И если бы не Первая мировая война (определяющий фактор для «эволюционистов»), то Россия могла бы продолжать развиваться в намечившемся

² *Маркевич А.М., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013.

³ *Дёмин В.А.* Верхняя палата Российской империи, 1906–1917. М., 2006; *Дёмин В.А.* Государственная дума России (1906–1917): Механизмы функционирования. М., 1996; *Кириянов И.К.* Российские парламентарии начала XX в.: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006; *Лукоянов И.В.* У истоков российского парламентаризма. СПб., 2003; *Соловьёв К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011.

⁴ *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

⁵ *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004; *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010; *Исхаков С.М.* Февральская революция и российские мусульмане // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 189–207; *Котюкова Т.В.* Первая мировая война и участие в ней народов Российской империи (на примере Туркестанского края) // Первая мировая война: взгляд через столетие. М., 2011.

направлении. По мнению других авторов, Первая мировая война и Февральская революция явились итогом предшествовавшего пореформенного развития страны. При этом война характеризуется не как первопричина, а в качестве катализатора процессов, которые обуславливаются неспособностью политического режима найти оптимальный выход из кризисной ситуации, адекватный историческим потребностям государства. Более того, для власти оказались неприемлемыми альтернативные модели преобразования России, предложенные консерваторами, либералами и социалистами. В итоге в силу вступил (как это не раз бывало в европейских странах в XVII–XIX вв.) традиционный метод — насильственного слома устаревшей политической системы «снизу».

Авторы не питают особого оптимизма относительно того, что сторонники данных точек зрения в ближайшей перспективе изменят свои позиции и придут к консенсусу. Однако, чтобы выйти из этой дискуссионной круговерти, исследователям следует отказаться от увлечения умозрительными конструкциями, столь любимыми в историографии.

Реализация той или иной альтернативы пореформенного развития находилась в непосредственной зависимости от состояния политической системы и позиции её ведущих акторов, включая российского императора. В этой связи необходимо обратить особое внимание на мировоззренческие установки последнего царя, его готовность адекватно воспринимать современные ему исторические реалии. Имеющиеся в распоряжении исследователей источники (дневники, переписка, тексты его публичных выступлений, свидетельства современников) позволяют утверждать, что самодержец в значительной мере принадлежал к предыдущей эпохе. Он рассчитывал сохранить в неприкосновенности унаследованный от отца политический строй, который надеялся передать своему сыну. В соответствии с этим царь опасался обособления правительства и старался держать его «на коротком поводке». В этом вопросе он находил поддержку и в ближайшем окружении, и в семье. Более того, личная переписка Николая II с супругой показывает, что назначения порой делались под влиянием «безответственных лиц», вроде Г.Е. Распутина, что, конечно, способствовало дискредитации власти. Всё это лишь оттеняло архаичность природы политического режима, которую нельзя было компенсировать путём бесконечных «починок»: отставок премьер-министров, министров, губернаторов. И как не старался царь подобрать себе «верных и преданных помощников», как он их не рассаживал — вместо симфонии получалась какофония⁶. В результате Николая II не миновала участь его европейских предшественников (английских и французских королей XVII–XVIII вв.) и венценосных современников (австро-венгерского и германского императоров). Правда, последним повезло гораздо больше, чем российскому императору, прошедшему со своим семейством трагические круги земного ада.

Неспособные отвечать на вызовы времени политические системы, как правило, тянут за собой на дно и связанные с ними государственные институты, и населяющие империи народы, которые переживают общенациональную трагедию. Отказываясь пойти на формирование правительства «общественного доверия» во главе либо с либеральным бюрократом, либо с общественным деятелем, царь упустил шанс если не исправить, то хотя бы временно поправить кризисную ситуацию в стране. В последние дни и часы перед отречением он оказался не готов к волевым решениям и даже не пытался организовать сопротивление

⁶ Россия в годы Первой мировой войны / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014. С. 641–714.

революционной стихии. Личные терзания за будущее близких ему людей явно преобладали над принятием на себя ответственности за судьбу России. Нередко акт отречения Николая II объясняется его желанием избежать кровавой революции. При этом забывается, что ещё за несколько дней до этого начались стихийные события в российской столице, которые власти гипотетически могли подавить ещё в зародыше. Но вовремя этого сделано не было. Царскому окружению и правительству пришлось искать себе оправдание в «предательстве» генералов, изменивших присяге, «заговоре» либеральных общественных кругов и «смутьянов» из радикальной революционной среды.

Что касается самих февральско-мартовских событий в Петрограде, то они ещё в советской историографии были буквально расписаны по часам и минутам⁷. В современной литературе добавляются лишь отдельные факты, в целом не меняющие известной общей картины. Сегодня некоторые исследователи продолжают участвовать в уже набившей оскомину дискуссии о наличии или отсутствии в февральские дни пулемётов на крышах Петрограда⁸, а также сообщают пикантные подробности об убийствах городских и полицейских в столице и её окрестностях, об участившихся случаях грабежей и разбоев. К этим фактам можно было добавить и многие другие. Однако как, собственно, возникла эта «массовая стихия» с её кровавыми и низменными крайностями? Понятно, что она появилась не сразу, а формировалась в течение длительного времени. «Низы», воспользовавшись беспомощностью и нерешительностью власти, стали реализовывать накопившуюся отрицательную энергию в традиционных формах массового насилия над ослабевшим и поверженным противником. Всё это свидетельствовало лишь об одном: принципы социального консенсуса так и не прижились на российской почве, вместо ведения диалога противоборствовавшие стороны традиционно полагались на силу. Революции 1905–1907 гг. и 1917 г. «делало» одно и то же поколение, которое, прекрасно зная своих друзей и врагов, использовало те же методы и приёмы их борьбы друг с другом. Опыт Первой российской революции был использован и при возрождении политических партий и массовых общественных организаций, и при формировании Советов.

В условиях разбушевавшейся революционной стихии представительные учреждения — Государственная дума и Государственный совет — оказались в весьма сложной ситуации. В историографии многое сделано, чтобы показать реальную роль этих структур в Февральской революции⁹. Однако их не стоит преувеличивать. Один из лидеров Прогрессивного блока П.Н. Милюков мог бы ещё долго с думской трибуны произносить свои филиппики в адрес короны и представителей исполнительной власти, но без массовой поддержки Дума оставалась бессильной. Лишь стихийные выступления, приведшие к дестабилизации ситуации в столице, предоставили лидерам Прогрессивного блока уникальную возможность заполнить сложившийся политический вакуум.

В современной историографии подробнейшим образом (по дням и часам) описаны действия Временного комитета Государственной думы при формировании

⁷ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.

⁸ Румянцев А.Г. «Полицейские пулемёты» в Феврале 1917 г.: миф или реальность // Революция 1917 г. в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2015. С. 37–53.

⁹ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917). М., 2003; Гайда Ф.А. Власть и общественность: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016.

первого состава Временного правительства во главе с кн. Г.Е. Львовым¹⁰. Сегодня можно констатировать, что в исследовании этого сложного и противоречивого процесса достигнуты существенные результаты. Но одновременно наблюдается возрождение старой тенденции, уходящей корнями в эмигрантскую¹¹, а затем и в зарубежную историографию, — представить Февральскую революцию 1917 г. в качестве верхушечного политического переворота. Характерно, что современники (за исключением традиционалистов и правых консерваторов) воспринимали эту революцию как вполне закономерное историческое явление, обусловленное пореформенным развитием страны¹². Кстати, этой либеральной оценки придерживались теоретики и политики умеренных социалистических партий. Они были убеждены в том, что в конкретных исторических условиях России без прохождения длительного послефевральского периода революции невозможен переход к её следующей фазе — социалистической.

К позитивным итогам современной историографии следует отнести плодотворную попытку комплексного анализа содержания программ всех без исключения составов Временного правительства¹³. Это позволяет утверждать, что новой власти удалось разработать и предложить обществу рациональную модель преобразования России. Разумеется, теоретикам и политикам, представлявшим новый режим, можно предъявить немало претензий в деле практической реализации намеченного ими стратегического курса. Однако его наличие не должно вызывать сомнения. По сути, речь шла о формировании в России нового общественного строя, в котором приоритетными являлись права и свободы личности, верховенство закона. Предлагалось рациональное решение национальных и конфессиональных проблем, что теоретически должно было способствовать сохранению единства империи.

Советские историки акцентировали внимание на противостоянии Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов, российские выявляют «точки соприкосновения» между ними¹⁴. С учётом позиции лидеров умеренных социалистических партий, определявших курс Советов, шанс для согласования их действий с Временным правительством (особенно при его главе А.Ф. Керенском) был вполне реален. Представляется, что его не реализовали лишь в силу личных амбиций участников политического процесса.

В современной историографии большое внимание уделено не только российским верхним «этажам» власти, но и сложному и противоречивому процессу формирования аппарата её среднего и нижнего звена¹⁵. Процесс складывания данных структур протекал более интенсивно и целенаправленно именно в тех регионах, где давно существовала сеть местного самоуправления. Там же, где

¹⁰ Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002.

¹¹ Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997.

¹² Государственный переворот // Вестник Европы. 1917. № 2. С. V; Струве П.Б. Освобождённая Россия // Русская мысль. 1917. № 2. С. XI—XII; Трубецкой Е.Н. Анархия и контрреволюция // Русское слово. 1917. 25 апреля. № 91.

¹³ Белошапка Н.В. Временное правительство в 1917 г.: Механизмы формирования и функционирования. М., 1998; Коваленко Н.А. Центральная власть и аппарат управления в России: механизм формирования и функционирования (февраль—октябрь 1917 г.). М., 2000; Николаев А.Б. Реформы Временного правительства // Реформы в России с древнейших времён до конца XX в. В 4 т. Т. 3. М., 2016. С. 361—413.

¹⁴ Ненароков А.П. Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. М., 2012.

¹⁵ Гордеев П.Н. Комисариат Временного правительства над бывшим Министерством двора // Российская история. 2017. № 2. С. 59—78.

таковая возникла сравнительно недавно, либо начала образовываться в ходе распространения революционного процесса с «центра на периферию», наблюдалась обратная картина. Крайне сложно и противоречиво создавались властные структуры в тех национальных регионах, в которых преобладали сторонники независимости или автономии в составе единого государства¹⁶.

Формирование властных институтов проходило на фоне небывалого ранее роста массовых общественных организаций самого разного типа и направленности. Историки сегодня не только добились успеха в подсчёте этих организаций, но и выявили их особенности¹⁷.

Значительный интерес вызывает деятельность российских политических партий в февральско-мартовский и последующие периоды. В отличие от советской историографии, много сделавшей в изучении социалистических организаций, современные исследователи стали уделять больше внимания консервативным и либеральным объединениям, а также характеристике их лидеров¹⁸. На данном этапе всесторонне рассмотрен комплекс обстоятельств, способствовавших уходу с политической арены консервативных и праволиберальных (октябристы, прогрессисты) партий. Представляется, что убедительно раскрыты и причины лидирующей роли в послефевральский период кадетской партии, принимавшей самое активное участие в разработке правительственного курса¹⁹.

Исследователи стали более объективно и дифференцированно подходить к определению места и роли политических партий социалистического толка на каждом этапе развития революционного процесса в 1917 г. Подробный анализ

¹⁶ *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004; *Буттино М.* Революция наоборот: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007; *Федюшин О.* Украинская революция. 1917–1918 гг. М., 2007; *Солдатенко В.Ф.* Гражданская война в Украине (1917–1920 гг.). М., 2012; *Красовицкая Т.Ю.* Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля–октября 1917 г.: Стратегии, структуры, персонажи. М., 2015.

¹⁷ Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: Вторая половина XIX – начало XX в. / Отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007; *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008; *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012.

¹⁸ Подробно см.: *Колоницкий Б.И.* Правозащитные силы в марте–октябре 1917 г. (на материалах петроградской печати) // Национальная правая прежде и теперь. Ч. 1. СПб., 1992; *Чхартшвили П.Ш.* Черносотенцы в 1917 г. // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 133–143; *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 79–94; *Михайлова Е.М.* Правые партии в дискурсе двух революций: победа в 1905 г. и поражение в 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2009. С. 84–90; *Иванов А.А., Стогов Д.И.* Черносотенцы и большевики: правый взгляд на триумфаторов Октября // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2009. С. 90–98; *Иванов А.А.* «Первый выстрел революции». В.М. Пуришкевич и свержение императора Николая II // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2010; *Стогов Д.И.* Дело о «монархическом контрреволюционном заговоре» в контексте июльского политического кризиса 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2012. С. 73–82; *Иванов А.А.* «На костях ужасного разгрома». Деятельность лидера правых Н.Е. Маркова во второй половине 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2015. С. 187–195; *Иванов А.А.* Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны. СПб., 2006; *Иванов А.А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013; *Иванов А.А.* «Чёрная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 42–59.

¹⁹ *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 504–611.

теоретических концепций эсеров, меньшевиков, анархистов позволил выявить то общее, что сближало эти объединения на демократическом этапе революции²⁰.

Разумеется, в историографии подробно выявлены «зазоры» идеологического и политического характера между умеренными социалистами, тем не менее Февральская революция была «их революцией», констатируют современные исследователи. В целом последние преодолели имевшую место и в советской науке однолинейность при характеристике российской социал-демократии. Эта позитивная тенденция наметилась ещё во время подготовки «Очерков КПСС» и стала набирать силу в последующий период. В результате такого комплексного анализа социал-демократическое движение было показано как исторически сложное явление, в котором переплелись старые и новые представления социал-демократов об исторических судьбах России и дальнейших перспективах её развития, столкновения личных амбиций социал-демократических лидеров по многим вопросам — тактики и стратегии, идейно-теоретическим и программным²¹.

Большое внимание в современной литературе по-прежнему уделяется характеристике различных форм массовых движений и методов революционной борьбы. По сравнению с предшествующей историографией акцент смещён на традиционно стихийный характер таких движений²² и выявление неких архетипичных черт поведения их участников. Речь идёт о влиянии роли разновекторных и разноуровневых информационных потоков, в которых факты тесно переплетались с вымыслами и слухами. Всё это способствовало дальнейшему расшатыванию и без того хрупкой старой политической системы, создавало атмосферу неуверенности в победе на фронте, сеяло панику среди рядового обывателя в тылу²³.

Особый интерес вызывает проблематика революционных символов, новой риторики, различных форм поведения представителей российского социума²⁴. Заслуживают внимания работы, посвящённые анализу новых форм общественных объединений, порождённых революционной эпохой (Советам, фабзавкомам)²⁵. Во многом аналогичные процессы самоорганизации масс имели место не только в тылу, но и на фронте, где возникли объединения солдат и матросов. Российский социум, так или иначе, демонстрировал способность к самоорганизации. Так что утверждения о сугубо разрушительном характере революции

²⁰ См.: *Тютюкин С.В.* Большевизм: страницы истории. М., 2002; *Кононенко А.А.* Современная российская историография партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2004. № 4. С. 112–120; *Суслов А.Ю.* Социалисты-революционеры в Советской России: Источники и историография. Казань, 2007; *Егоров А.Н.* Российские либералы начала XX в. и власть. Историографические дискуссии. Череповец, 2007; *Ненароков А.П.* Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. М., 2012; *Макаров Н.В.* Русский либерализм в зеркале англо-американской историографии. М., 2015; *Савельев П.Ю.* Генезис РСДРП: Историография и источники. М., 2016.

²¹ См.: *Шелохаев В.В.* Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи) // Российская история. 2017. № 2. С. 32–41.

²² *Булдаков В.П.* Империя и смута: к переосмыслению истории русской революции // Россия и современный мир. 2007. № 3. С. 5–27; *Булдаков В.П.* Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007; *Булдаков В.П.* Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–64; *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2, доп. М., 2010.

²³ *Аксёнов В.Б.* Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 17–32.

²⁴ *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. Изд. 2, доп. СПб., 2012; *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven; L., 1999.

²⁵ *Герасименко Г.А.* Первый акт народовластия в России: Общественные исполнительные комитеты (1917). М., 1992; *Злоказов Г.И.* Большевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. М., 1997.

в России, поголовном массовом насилии, разгульном пьяном кошмаре, грабежах после Февраля сильно преувеличены и искажают реальную картину. Нет смысла отрицать, что в ходе массовых выступлений имели место разного рода эксцессы, но они не должны заслонять и созидательного характера революции как одного из способов общественного переустройства.

Известно, что Февральская революция в России началась и развивалась по восходящей в условиях Первой мировой войны, которая не могла не ужесточить нравы и ухудшить жизненные условия огромных масс населения²⁶. Любые войны, а тем более мировые, создают экстремальные ситуации, изменяющие судьбы миллионов людей, разрушая их прежние представления о мире, их быт и личные судьбы. Обстановка военного времени самым непосредственным образом влияет на психику людей, ввергая их, с одной стороны, в отчаяние, а с другой, — порождая пусть и иллюзорные, но надежды на позитивные изменения²⁷. Для многих революция представлялась выходом из заколдованного круга в новое, пока ещё не осознанное пространство социального и политического бытия.

В историографии до сих пор нет определённого ответа на вопрос: когда закончилась Февральская революция — с момента формирования Временного правительства, либо она продолжалась до созыва Учредительного собрания, которому предстояло принять демократическую Конституцию свободной России²⁸? Ведь факт создания нового правительства подразумевал начало движения к Конституанте. Она юридически закрепила бы результаты революции, став её логическим завершением и точкой отсчёта для формирования в России полноценной политической и правовой системы²⁹. Это позволяет утверждать, что Февральская революция представляла собой не некий одномоментный акт, продолжительностью в 10 дней, а протяжённый процесс, насильственно прерванный Октябрьским переворотом. В эти хронологические рамки укладываются и деятельность нескольких составов Временного правительства, и периоды его сотрудничества и противостояния с Советом рабочих и солдатских депутатов.

Февральская революция не ограничивалась пределами двух столиц — Петрограда и Москвы³⁰, а представляла собой общероссийское явление³¹. Более того, революция имела международное значение. Во-первых, по общему признанию, с марта 1917 г. Россия стала одной из самых свободных стран мира, своеобразным «маяком» для мирового сообщества. Во-вторых, за сравнительно короткий исторический срок деятельности Временного правительства была разработана и предложена общественному вниманию комплексная программа

²⁶ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015.

²⁷ Астахов А.Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. С. 340—414, 677—713.

²⁸ См.: Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: Сборник докладов международной научной конференции. СПб., 2017. С. 8—136.

²⁹ Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история зарождения и гибели. М., 1997; Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008; Стародубова А.Л. Юридическое совещание 1917 г.: основные направления деятельности. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

³⁰ Петроград на переломе эпох: Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. СПб., 2000.

³¹ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001; Капон В.П. Партийный «ландшафт» Нижегородской губернии после Февральской революции (март—апрель 1917 г.) // Революция 1917 г. в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2016. С. 91—96; Novikova L. The Russian Revolution from a Provincial Perspective // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 16. 2015. № 4. P. 769—785.

демократических преобразований, затрагивавших все стороны жизни страны³². В-третьих, в феврале—марте 1917 г. победившая в ней революция вызвала взрыв массового энтузиазма, что объяснялось ожиданиями светлого будущего в самой ближайшей перспективе. Это, несомненно, усложнило и без того непростые задачи, стоявшие перед Временным правительством. Оно взяло на себя явно непосильное бремя — в кратчайший срок разрешить огромный груз вековых проблем. Причём новая власть намеревалась это сделать с соблюдением всех юридических формальностей, касавшихся как собственно личных прав и свобод человека, так и проблем власти и собственности. Кроме того, правительство было обязано улучшить материальное положение большинства населения, мирно урегулировать острейшие национальные и конфессиональные проблемы, не только удержать фронт, но и добиться перехода русской армии в победоносное наступление. На масштабности замыслов власти сказались как экстремальные условия, в которых пришлось управлять огромным государством, так и отсутствие опыта такого управления.

Фактически ситуация в стране с каждым месяцем (а после июльских событий — с каждым днём) становилась всё более непредсказуемой, требующей принятия неординарных решений. Однако Временное правительство, связанное по рукам и ногам необходимостью согласования принимаемых решений с Советом рабочих и солдатских депутатов, увязло в тенетах бесконечных дискуссий. Частая смена составов Кабинета министров, при постоянном усилении в нём позиций социалистов, объективно вела к размыванию первоначального либерально-демократического курса, сползанию правительства к радикализму, пугавшему средние городские слои и стоявшие за ними политические организации. В итоге теряли былые позиции и либералы, которые не могли надеяться на прежнюю поддержку ни демократических слоёв города, ни тем более деревни.

Нельзя не учитывать и того, что с момента формирования Временного правительства в его составе не было подлинного лидера, способного принимать волевые решения. Ни кн. Львов, ни Керенский по своим личностным качествам были не способны взять на себя эту миссию³³. Такого рода лидеров не оказалось и в Совете рабочих и солдатских депутатов. В итоге Временное правительство и умеренные социалисты всё более утрачивали политический контроль над ситуацией в стране, в которой назревал общенациональный кризис. Выход из него мог быть двояким: либо установление диктатуры военной, либо диктатуры леворадикальных партий³⁴. Оба исхода несли вполне реальную угрозу гражданской войны, симптомы которой уже явно проявились в ходе июльских событий в Петрограде, когда левые радикалы решили «штыками» испытать на прочность Временное правительство, а заодно внести раскол и в социалистический лагерь. Июль 1917 г. стал переломным этапом в истории Февраля. С этого момента политический процесс стал стремительно терять общенациональный характер. Несмотря на наличие ещё до революции существенных противоречий между основными политическими игроками, последние вплоть до июльских событий пытались найти консенсус друг с другом на почве совместного участия в выработке и реализации демократических преобразований в стране. Однако

³² См.: Николаев А. Б. Реформы Временного правительства.

³³ См.: Тютюкин С. В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905—1917 гг.). М., 2012.

³⁴ Медушевский А. Н. Русский бонапартизм как предмет сравнительного изучения // Труды Института российской истории РАН. Вып. 4. М., 2004. С. 118—181.

затем иллюзии о возможности такой плодотворной деятельности стали улетучиваться. В частности, это вылилось в раскол внутри партий социалистического толка и активизацию действий сил экстремистского характера, которые всё чаще стали сомневаться в общенациональном характере Февральской революции. Экстремистски настроенные силы настойчиво стремились перевести развитие мирного, конституционно-правового революционного процесса в стране в русло насильственной социальной революции. К октябрю 1917 г. в основном сформировался блок леворадикальных социалистических объединений (большевики, меньшевики-интернационалисты, левые эсеры-интернационалисты, анархисты), взявших курс на насильственное свержение Временного правительства и установление диктатуры.

В заключение следует назвать проблемы общетеоретического и методологического характера, без решения которых дальнейшее изучение Февральской революции лишено значительных исследовательских перспектив. Прежде всего следует дать ответы на вопросы, касающиеся её природы и типологии, а также логической связи с Первой российской революцией: была ли революция февраля 1917 г. буржуазно-демократической, наподобие имевших место в Западной Европе в XIX в., или она представляла собой новый тип, характерный именно для XX столетия; являлись ли Первая и Вторая российские революции типичными для стран «второго эшелона» модернизации и в какой степени Октябрьский переворот стал продолжением Февраля?

Несмотря на обилие работ, посвящённых предпосылкам Февральской революции, до сих пор мало внимания уделялось сравнительному анализу теоретических и программных представлений политических партий, а также оценке их моделей переустройства России. Если история консервативных и либеральных партий этого периода изучена досконально (в последние два десятилетия введён огромный комплекс соответствующих документов и материалов, что позволило значительно продвинуть вперёд их дальнейшую научную разработку)³⁵, то этого нельзя сказать об общероссийских социалистических и особенно национальных объединениях (материалы по их истории ещё ждут своего публикатора).

В распоряжении исследователей по-прежнему имеются значительные источниковые возможности для дальнейшей проработки деятельности всех «этажей» власти, характеристики непростых отношений между различными составами Временного правительства и Советами рабочих и солдатских депутатов, между комиссарами Временного правительства и массовыми общественными организациями. Ещё не исчерпаны исследовательские резервы и для изучения процесса формирования местных органов управления и самоуправления. Особого внимания заслуживает история национальных политических партий, поскольку диаметрально противоположные оценки их деятельности представлены в большинстве работ, вышедших за последнее 20-летие в бывших республиках СССР. Причём при исследовании процессов партийного строительства в национальных регионах России после Февраля 1917 г. следовало бы учесть, во-первых, мировоззренческие представления местных политических элит, во-вторых, предшествующий

³⁵ Непосредственно по периоду революции 1917 г. см.: Большевики в 1917 году. В 3 т. М., 1994–1997; Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. М., 1998; Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3. М., 1998; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2000; Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. В 3 т. Т. 3. Ч. 1, 2. М., 2000; Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. М., 2000.

период в истории национальных партий, в-третьих, их взаимодействие с общероссийскими объединениями.

Следует приветствовать и продолжать наработки в деле создания информационных статистических баз, всесторонне характеризующих масштабы рабочего³⁶ и крестьянского движений³⁷, формы и методы борьбы различных социальных страт, эволюции их требований по мере развития революционного процесса в стране. Достижения современных учёных в этой сфере привели к значительному углублению знаний, а в ряде случаев — к научным открытиям. В этом плане показательны изыскания, осуществлённые в специальной лаборатории Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова под руководством профессора Л.И. Бородкина³⁸. Таким образом, у современных отечественных исследователей есть реальные перспективы для дальнейшего изучения Февральской революции 1917 г., что позволит вывести её из тени Октября 1917 г.

³⁶ *Соболев Г.Л.* Пролетарский авангард в 1917 году: Революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993; *Яров С.В.* Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999.

³⁷ *Коновалов В.С.* Крестьянство России в годы войны и революции // 1917 год. Россия революционная: Сборник обзоров и рефератов. Изд. 2, испр. и доп. М., 2009. С. 105–152.

³⁸ *Бородкин Л.И., Коновалова А.В.* Российский фондовый рынок в начале XX в.: факторы курсовой динамики. СПб., 2010; *Бородкин Л.И., Валетов Т.Я., Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В.* «Не рублём единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М., 2010.